

У НАС БЫЛА ЛЮБОВЬ... И ОПЯТЬ ЛЮБОВЬ

(ИЗ ПОЗДНЕГО МАМОНОВА)

Проснувшись однажды, он понял -- так жить нельзя. «Собирайся», -- разбудил он жену. Собрали на скорую руку раскладушки-подушки-кастрюльки, погрузились с детьми в автомобиль и поехали неизвестно куда

Ехали долго. Минское шоссе, за окнами -- деревушки, потом лес. Отмотав километров 160, где-то за Вереей он вдруг увидел огромное поле, за ним сосны, а вдалеке речку. Воздух пахнул сосновой смолой, стучали дятлы, из-под ног выскочил ежик... «Приехали», -- сказал он. К осени он поставил сруб, правда, как потом выяснилось, не очень теплый. Дети стали ходить за несколько километров в деревенскую школу. Новая жизнь Петра Мамонова и его семьи началась.

«Новое утро наступило там, в лесу: открываю глаза (дома еще не было, жили в палатке), а передо мной ствол сосны... И такое счастье! Это же надо -- жить десятилетия, и где-то в сорок с хвостиком лет вдруг проснуться счастливой от того, что ты ЗДЕСЬ, ты на земле! Я заново родилась в деревне, четыре года назад», -- говорит Оля Мамонова. После школы почти двадцать лет Оля проработала артисткой балета в варьете. Теперь говорит, что ей и не верится, будто это не с ней было.

«Чего я раньше в жизни искал, что было смыслом? -- говорит Мамонов. -- Чтобы почаще водку и портвейн с товарищами пить и обсуждать не написанные пока еще произведения. Все это бредовуха полнейшая, этот этап в моей жизни уже прошел». Он был кумиром поколения дворников и сторожей, тащившегося от «Звуков Му» и знавшего наизусть тексты его песен.

Оля: «Не могу сказать, что я его понимаю. Есть замечательные жены, которые собирают стихи своих мужей, знают все наизусть. Как ни странно, я ни одной песни Петра не знаю наизусть, и стихов его не знаю. Но мне очень близка суть его стихов и песен. Любимой песни у меня нет, но есть та, которая мне очень близка, «Консервный нож» называется. Это песня про меня, про нашу с ним жизнь:

*Дождь за окном но-но-но-но-ном,
Муха жужжит бье-ца-ца-ца в стекло...*

*Возьми мой консервный нож...
...Кто же здесь жил,
Кто не живет...»*

О его прошлой жизни -- фильм «Такси-блюз». Там сквозной мотив -- гениальность, запой и в конце безысходность. Он и группу «Звуки Му», по его словам, создал, просто чтобы не спиться. Его ожидал такой же конец, как героя фильма. Но он начал новую жизнь.

Оля: «Не считаю, что Петра вытащила я. Хотя его мама любит повторять, что мне при жизни надо памятник ставить за то, что я Петра спасла. Еще неизвестно, кто кого спас. Я ведь живу как у Христа за пазухой -- на работу не хожу, дышу чистым воздухом, ласкаю своих котов... Петра Господь поддерживает, не дает пропасть. Ведь существует же он, живет, здравствует, работает, а сколько замечательных музыкантов умерло -- не поддержал их Господь».

Петр: «У меня есть семья, есть ответственность за нее. Вот, например, дом сгорит, что делать? Надо новый строить, а силы уже не те. И азарт нужен, которого уже нет. Но есть зато полная спокуха».

Их дом разделен на две половины. Одна половина -- Петра, другая -- Ольги и детей. В его половине -- вещи, аппаратура, книги. Хотя что там точно есть, сказать сложно, -- он никого туда не пускает, даже жену. «У человека должна быть своя территория, его отдельный мир, пространство для одиночества. Я -- отшельник, сижу себе здесь и сижу. Друзей у меня нет. Были когда-то товарищи, они и остались товарищами. Вообще редко кто может похвастаться словом «друг», как и словом «жена». Все просто живут день за днем и делают вид, что есть друзья, есть жена, есть дети. А этого ничего нет. Есть только собственный пуп, для которого удобно, чтобы дети были, -- головочку любимую погладить, чтобы снять собственную душевную гадость. Я так жить не хочу, меня не устраивает скотство это постоянное».

Но есть у Петра Мамонова заветная мечта -- построить дом, в котором поселились бы его товарищи, с которыми когда-то делали «Звуки Му», дети, родители, родственники, и чтобы к обеду все собирались в столовой за большим столом, ели, общались... Осуществлять мечту начал постепенно --

на участке, неподалеку от дома, в котором они живут сейчас, вырыта большая яма, которая носит кодовое название «фундамент будущего дома».

Кстати, Мамоновы и сейчас, пока в узком кругу, очень строго соблюдают традицию семейных обедов: к 16 часам, когда младший сын приезжает из школы, Оля накрывает на стол, выходит Петр, и начинается трапеза. Ритуал свят, и не дай бог его нарушить. Это у Петра от родителей пошло, их семья всегда собиралась за обедом: белая скатерть, столовое серебро...

Оля: «К родителям у Петра особое, очень трогательное отношение. Мы часто их навещаем, когда бываем в Москве. В прошлом году их дом в деревне сгорел подчистую, они приехали в Москву в телогрейках. А у нас были какие-то деньги на стройку отложены, и Петр даже без разговоров, без сомнений все отдал, чтобы старики как жили, так и жили. Они быстро построились заново».

Петр: «Мои дети -- это я. Я не думаю ни о детях, ни о жене. Будут -- будут, нет -- нет. Враги человеку домашние его, если серьезно. А если так, на каждый день, то, конечно, дети растут, дом для них строю, думаю, чтобы им что-то осталось».

Старший сын Мамоновых, Даниил, недавно стал студентом пединститута и переехал к бабушке в Москву. Через пару лет аттестат о среднем образовании получит и младший, Ванечка, возможно, встанет вопрос о том, чтобы в город перебрались и родители. Но пока это вопрос далекий и большой, и о разрешении его Оля боится задумываться. О Петре и говорить нечего.

В новой жизни, помимо новых забот, работа у Мамонова осталась «старая»: идет спектакль «Есть ли жизнь на Марсе?», где звучат и песни периода «Звуков Му», гастрولي...

Оля: «Пока всеми административными делами Петра занимаюсь я. Но я не администратор и не менеджер, у меня надежда на детей. Уже сейчас то, что я делаю за месяц, Даня (вот что значит новое поколение) улаживает одним телефонным звонком. Даня взял компьютер, кнопки нажал, и всю информацию куда нужно отправил. Он говорит: «Мам, ты куда идти собираешься, я все переслал, и уже три ответа получено».

По административным делам ей часто приходится мотаться из деревни в Москву на электричках. Я как-то заметила, что при таком ритме жизни, наверное, не помешал бы какой-никакой автомобильчик... Она только руками всплеснула. Куда там! Дело в том, что ее муж женщин-эмансипе просто на дух не переносит.

Однажды, заработав приличную сумму после гастролей в Питере, он вкрадчиво так спросил жену: «Что тебе купить?» Она же не раздумывая выпалила: «Десять грузовиков навоза!» Просто в тот момент очень нужно было землю удобрить.

Оля: «Деньги уже не имеют особого значения. Что они, деньги-то? Вон недавно что произошло в стране -- черт-те что. Паника! А у меня все в огороде есть, мне не страшно -- морковь, капуста, свекла... Свою семью я прокормлю».

Петр: «В сегодняшний капитализм мы сами себя затащили. Каждый порядочный человек ищет сегодня свой собственный путь. Мне пока хорошо здесь».

Смерть-то уже не за горами -- через каких-то 20 -- 30 лет. Вот о чем думать надо. Есть три главных вопроса, над которыми есть смысл думать, -- откуда мы, кто мы, куда мы идем. Остальное все лабуда».

Когда в стране началась осенняя паника, то от безысходности Петр предложил выйти всей семьей в подземный переход, чтобы деньги зарабатывать (он будет петь под гитару, а жена и сыновья продавать его аудиокассеты и диски), потому что не понятно было, пойдут зрители на его спектакль «Есть ли жизнь на Марсе?» в новом сезоне или нет. Но тут начался театральный сезон, и пошел аншлаг за аншлагом в Театре Станиславского...

Ольга ЛУНЬКОВА
Фото М. Штейнбока